

«ПЕСНЬ о РОЛАНДЕ» — средневековая франц. эпич. поэма, повествующая о битве в Ронсевальском ущелье отряда, возглавляемого племянником Карла Великого Роландом против сарацин (т. е. мусульман-арабов).

Исследователи еще в XIX в. сопоставляли С. с П. о Р. Об этом писали *Н. А. Полевой, М. П. Погодин, Ф. И. Буслаев, А. Н. Май-*

ков, в последующем к этой проблеме обращались В. В. Каллаш, Н. П. Дашкевич, В. А. Дынин. С наибольшей глубиной в типологич. плане и в культурологич. аспекте соотношения П. о Р. и С. рассмотрены в работах А. Н. Робинсона.

Автор С. относит свое произведение к числу «трудных повестей», т. е. к повествованиям о военных деяниях (ср. *chansons de geste*). С. оплакивает поражение Игоря. Это поражение — результат безрассудного, безумно смелого похода небольшого войска князя Игоря в далекие степи — на неверных язычников «паганных» (*paganus* — язычник). Трагичность поражения усугубляется тем, что войско идет навстречу неминуемой гибели, но не может вернуться из-за высокого чувства чести князя и его дружины.

Как и П. о Р., где седобородый император Карл сочувствует Роланду и оплакивает его, хотя и осуждает, — в С. седой киевский князь Святослав Всеволодович оплакивает гибель Игоря войска, жалеет о судьбе Игоря и одновременно его осуждает. Карл и Святослав символизируют собой нац. и гос. единство своих стран. Они мирно управляют своими странами, пока герои идут в поход. В рус. былинах образам Карла и Святослава соответствует образ киевского князя Владимира Красное Солнышко, при дворе которого живут богатыри, совершающие подвиги по защите Русской земли от врагов-язычников.

В С., как и в *chansons de geste*, сильно сказывается авторское начало. Пока это авторское начало еще слито с началом исполнительским, не отделено от него. Однако это авторско-исполнительское начало чрезвычайно важно для понимания особенностей жанра. Оно дает возможность лирически интерпретировать события, сопровождать рассказ горестными размышлениями, лирич. восклицаниями. Так, в наиболее патетических местах автор восклицает: «О, Русская земля, уже ты за холмом!» или: «А Игоря войско не воскресить!». Для П. о Р., как известно, также характерны повторные тирады (*laisses similaires*).

В С., как и в П. о Р., кажется, что поэт, пораженный горем, не может расстаться с ним, не может перейти к др. теме. Он как бы останавливает свой рассказ, предаваясь горестным размышлениям и воспоминаниям о таких же несчастьях в прошлом. Между С. и П. о Р. есть и др. черты типологич. близости: вещие сны, знамения, приметы, заботливое перечисление воен. добычи и мн. др. О близости С. и П. о Р. писали мн. исследователи, однако все они отмечали, что прямой генетич. зависимости С. от П. о Р. нет, есть только общность жанра, возникшего в сходных условиях раннефеод. об-ва.

Но между С. и П. о Р. есть и существенные отличия. Эти различия не менее важны, чем сходства, для истории раннефеод. эпоса Европы. С. создано вскоре после событий, по-видимому, через несколько лет, тогда как П. о Р. формировалась столетиями. Во всяком случае, Оксфордская — наиболее ранняя — рукопись П. о Р. относится к XI в. и отстоит от событий поражения Роланда (778) на три-четыре века. Это различие сказывается на приемах худ. обобщения в том и др. произведении.

Чудесный, сверхъестественный элемент в С. слабее, чем в П. о Р. Гиперболизация в С. не достигла такой сильной степени, как в П. о Р. Поэтому образ князя Святослава ближе к ист. князю Святославу, чем образ императора Карла в П. о Р. к ист. Карлу.

С. историчнее, чем П. о Р., хотя тенденции гиперболизации и введения чудесного элемента ясны уже и в С. Гиперболизированы мудрость и сила Святослава, гиперболизированы подвиги брата Игоря — *Всеволода*. Что же касается чудесного элемента, то в С. он все же интенсивно проникает в описания природы. Как и в П. о Р., природа сочувствует герою, предупреждает его об опасности, помогает ему. Это сочувствие природы рус. войску и предводителю похода сильно увеличивают трагичность и лиричность всего произведения.

Вместе с тем, поскольку С. ближе к животрепещущим событиям, которые послужили его темой, в нем сильнее, чем в П. о Р., сказывается публицистич. элемент. В С. сильнее, чем в П. о Р., осуждение князей-современников за их междоусобия и легкомысленную отвагу, сильнее звучит призыв объединиться и общими усилиями защитить Русскую землю от «поганных» — язычников.

Важное отличие С. от П. о Р. заложено как будто бы в различиях самих событий. Дело в том, что герой П. о Р. погибает, герой же С. бежит из плена. Поэтому С. заканчивается радостно — «славой» Игорю. Однако наличие в С. элементов «славы» могло явиться не только результатом темы, событий, легших в основу произведения, но и особенностей рус. жанра «трудных повестей».

Лит.: *Каллаш В. В.* Несколько догадок и соображений по поводу «Слова о полку Игореве» // Юбилейный сб. в честь В. Ф. Миллера. М., 1900. С. 316—347; *Дашкевич Н. П.* Опыт указания литературных параллелей к Плачу Ярославны в «Слове о полку Игореве» // *Sbornik v slavu V. Jagiča*. Berlin, 1908. С. 415—422; *Дытинск В. А.* «Слово о полку Игореве» и «Песнь о Роланде» // Старинная рус. повесть: Статьи и исследования. М.; Л., 1941. С. 48—64; *Робинсон А. Н.* 1) Литература Киевской Руси среди славянских средневековых литератур: (Типология, оригинальность, метод) // Слав. лит-ры: VI Междунар. съезд славистов. Докл. сов. делегации. М., 1968. С. 74—81; 2) «Слово о полку Игореве» и героический эпос Средневековья // Вест. АН СССР. М., 1976. № 4. С. 104—112; *Лихачев Д. С.* 1) «Слово о полку Игореве» и процесс жанрообразования XI—XIII вв. // ТОДРЛ. 1972. Т. 27. С. 73—75; 2) «Слово о полку Игореве» и особенности русской средневековой литературы // *Лихачев. «Слово» и культура*. С. 16—20.

Д. С. Лихачев